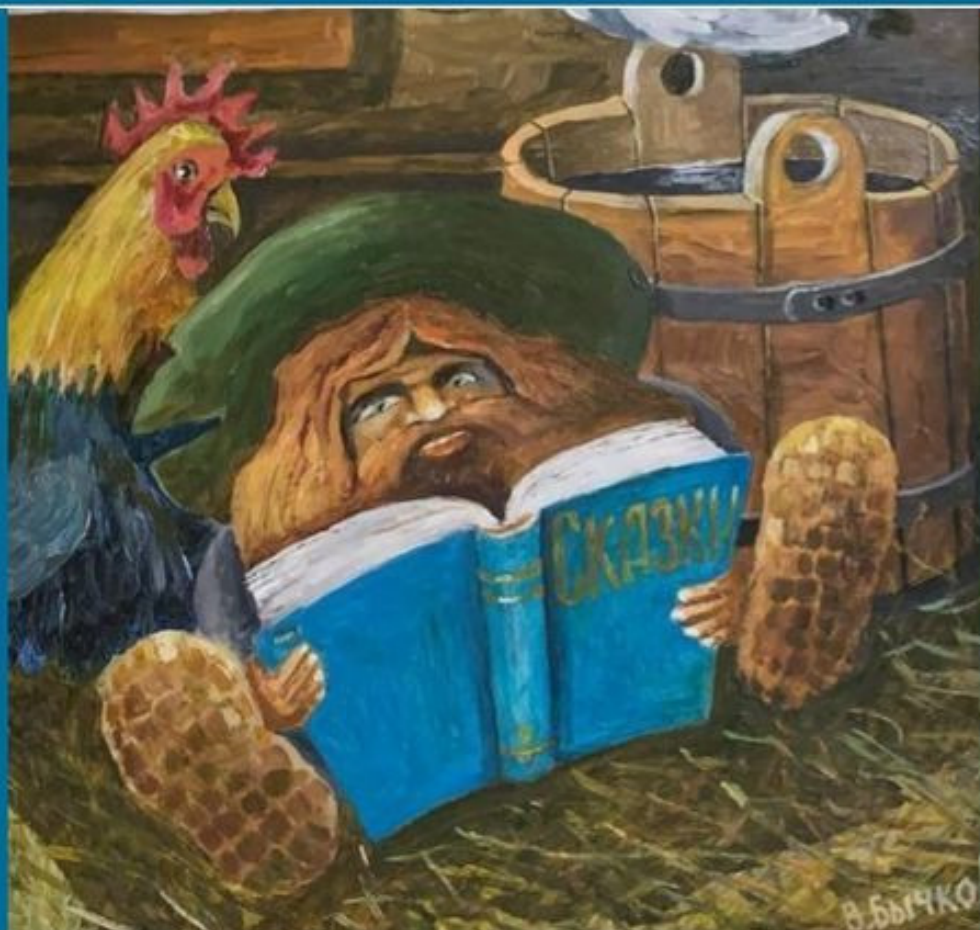

18 Николай Борисов-Линда

Три сказки о главном

Посвящение, или Амё, дочь домового

Николай Борисов-Линда

Три сказки о главном.

Посвящение, или

Амё, дочь домового

«Издательские решения»

Борисов-Линда Н.

Три сказки о главном. Посвящение, или Амё, дочь домового /
Н. Борисов-Линда — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519759-7

Любовь, любовь, любовь... Что это за энергия, что за сила влекущая
в неизведанное? К чему приводят необъяснимые порывы и есть ли за
горизонтом счастье?

ISBN 978-5-00-519759-7

© Борисов-Линда Н.
© Издательские решения

Содержание

Жук короед и бабочка	6
Детская сказка о любви	10
Воробей и трясогузка	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Три сказки о главном Посвящение, или Амё, дочь домового

Николай Борисов-Линда

художник Вячеслав Анатольевич Бычков

© Николай Борисов-Линда, 2021

ISBN 978-5-0051-9759-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жук короед и бабочка

Елене П.

На опушке дубовой рощи жил жук короед со своим большим семейством. Каждое утро, как только первый луч солнца касался дерева, он выползал из своего жилища, которое находилось в коре могучего дуба, и летел осматривать свои владения. Наступившее утро у него начиналось с поиска новых деревьев для своего потомства. Деревья его очень боялись.

Своим жужжанием он приводил их листья в трепет. Деревья, вместо того чтобы наслаждаться солнечным рассветом, в страхе шумели своей листвой передою друг другу в какую сторону полетел жук короед.

– Ж-ж-ж, – летел жук между деревьями. – Что ж-ж-жмётесь, несчастные, ж-ж-жалкие, ж-ж-жолудишки!

Жук короед выбирал понравившееся ему дерево, садился на него, и принимался обследовать, вгрызаясь в бугристую, шершавую кору.

Дерево обреченно шумело листвой, безропотно вслушиваясь в себя, как острые челюсти короеда точат могучее тело. И ни что не могло спасти бедное дерево. А жук наслаждался своей властью, он чувствовал лёгкую дрожь дерева и это его бодрило. Он вгрызался в кору своими мощными челюстями, пил его сок, буравил отверстия, делал нужные ходы, будущие комнаты.

Жук короед радовался, что выбрал новое дерево, у него была большое семейство, он собирался расселить своих детей, внуков по всей дубовой роще.

Однажды, это было в середине лета, жук выбрался из своего жилища и полетел искать подходящее дерево для очередного своего дома.

Погода испортилась, ветер принёс дождевые облака. Редкие капли дождя ударили по верхушкам деревьев, жук испугался, что одна из капель попадет в него, и он промокнет.

Прожужжав к первому, попавшемуся на его пути, дереву, он сел на него и приступил к своим работам. Выбрав удачное место в коре дерева, он стал вгрызаться в него, расчищая пространство и, через некоторое время, выгрыз для себя большую комнату.

Выбравшись наружу, он приступил с новой силой расчищать ещё один вход в своё жилище и вдруг, когда он уже почти углубился в кору, рядом с ним села бабочка. Она была так красива, что жук перестал работать и стал с любопытством рассматривать неожиданную гостью.

– Ах! Какой красивый ж-ж-живой цветок, – удивился жук. – Вы ж-ж-ждёте кого-то? – спросил он её.

– Нет, – ответила нежным голоском бабочка.– Ветер не даёт мне лететь домой. Капли дождя такие большие и холодные, что я боюсь повредить свои крылышки.

Голосок у бабочки был так чист и наивен, что жуку захотелось вновь услышать его.

– Ж-ж-жаль, что у меня много работы, а то бы я вас проводил до дома.

– Нет, что вы, спасибо за заботу, дядя жук – бабочка пошевелила крылышками.– Ветер утихнет, и я как-нибудь сами долечу до дома.

Ветер же с силой гнал облака, а они в испуге сбрасывали на землю дождь, он сплошной пеленой закрыл солнце, опуская сумрак на деревья.

Бабочке стало холодно и боязно оставаться на дереве, она расправила крылышки и решила лететь. Крылышки у неё были розового цвета, а посередине тёмные пятнашки, словно ещё одни глаза, но если присмотреться, то можно было увидеть силуэты двух рыбок.

– Ж-ж-жутя погода, – прожужжал жук.– Ж-ж-жесточкий ветер не даст тебе лететь. Оставайся у меня, а завтра с утра полетишь домой.– Жуку очень не хотелось отпускать бабочку. Она ему понравилась.

– Как вас зовут, красавица?

– Медведица Кая, но мама меня зовёт, розовица Кая. Это потому что я не такая как все, я розовая.

Бабочка двигала своими розовыми крылышками в надежде, что дождь закончится, и она полетит домой. Дождь же, словно почувствовал желание бабочки лететь, усилился.

Его крупные капли били по стволу дерева, обдавая мелкими брызгами бабочку и жука.

– Ах! – сказала бабочка. – Я сейчас промокну и не смогу лететь.

– Иди сюда, – зажуужал жук. – Здесь есть большая щель, в ней можно спрячься от дождя.

Жук, повёл своими усами, показывая то место. Он отодвинул лапками кору, и бабочка увидела большое углубление в коре дерева. Она в нерешительности посмотрела по сторонам, но здесь, крупная капля дождя ударилась совсем рядом с ней и её нежное тельце оказалось в холодных, водяных брызгах.

– Уж-ж-ж-ж, иди ж-же иди скорее, а то промокнешь, – зажуужал жук. И бабочка в нерешительности стала забираться в указанную щель. Проникнув в углубление, она обнаружила, что оказалось в довольно просторном месте. Там было сухо и тепло и даже шума ненастной погоды слышно не было.

– Как здесь хорошо, – прошептала бабочка. Она расправила свои крылышки и успокоилось.

– Да, уж-ж-ж, – прожуужал жук. – Кая, тебе здесь будет хорошо. Мы будем жить здесь вместе. Я пророю много комнат, тебе будет, где разгуляться.

– Как жить, – удивилась бабочка. – Дождь закончится, и я полечу домой. Меня дома ждут брат и сестричка.

– Нет, уж-ж-ж, ты не куда не полетишь. Ты останешься ж-ж-жить со мною. Ты красивая, ты изящная, ты будешь моею ж-ж-женой.

– Как женой? – Удивилась бабочка. – Я ещё очень молода. Я не хочу быть женой. Я хочу летать, собирать нектар, дышать ароматами цветов. Я хочу встречать рассветы, смотреть на солнышко. Я хочу по утрам умываться росой. Я хочу порхать с подругами и другими бабочками над цветистыми лугами. Я хочу с ними играть в догонялки и прятки.

– Ж-ж-ж, как много слов, – прожуужал жук. – Нектар, роса, солнце, я тебе это всё принесу и покаж-ж-жу. А в прятки мы с тобой здесь будем играть. Я столько набуравлю комнат, что ты в них заблудишься.

– Но я не люблю тебя, – воскликнула бабочка. – И никогда не полюблю.

– Кая, ж-ж-ж, стерпится, слюбится, – пожуужал жук. – Ты привыкнешь ко мне, у нас будут дети и ты полюбишь меня, как муж-ж-а. Тебе будут все завидовать, вся роца при твоём появлении будет шуметь листвой, в трепете зная, что ты моя ж-ж-жена.

– Но я не люблю тебя.

– Уж-ж-ж, завтра я принесу тебе мёд, ты его вкусишь и полюбишь меня. А умываться росой я буду тебя выводить. Мы вместе будем летать по лугам, и смотреть на разнотравье. Тебе будут завидовать.

– Да? – бабочка сникла. – Будут завидовать? А зачем?

– Тебе будут завидовать, ж-ж-ж, что ты моя ж-ж-жена. Что у тебя всё есть и тебе не надо ни о чём заботиться.

– Да? А я буду счастлива?

– Да уж-ж-ж, конечно, ты будешь счастлива, ведь тебе будут завидовать и говорить: Смотрите, смотрите, какая красивая пара. Ж-ж-ж.

– Да? А это и есть счастье? А любовь? Я хочу узнать, что такое любовь. Мне подружки рассказывали, что когда любишь, то летаешь без крылышек.

– Ж-ж-ж, как это летать без крылышек? Ж-ж-ж, глупости говорили тебе твои подружки. Без крылышек летать нельзя.

Бабочка надолго замолчала. В этой унылой тишине она услышала, как по стволу дерева стучит дождь, как порывы ветра в ярости теребят ветви деревьев. Она представила, что бы с ней случилось в той кромешной темноте, в потоке дождевых капель и ей стало страшно за себя. «Наверное, так лучше для меня, – подумалось ей».

Прошло много времени с того момента, вот уже к роще подбирается осень. С каждым днём день становятся короче, многие птицы вскормили своих детёнышей, обучили их летать и собираются на юг.

Пчёлы, кузнечики, божьи коровки, стрекозы, как-то все остепенились, все заняты своими делами.

Каждый день бабочка выползала из своего домика и летела по своим неотложным делам. Заботы дня отвлекали её от ненужных и пустых мыслей, как говорил ей её муж, жук короед.

Утро бабочки начиналось с наведением порядка в своих крылышках, она очень оберегала их и заботилась, но время брало своё. Розовые её крылышки стали тускнеть и как бабочка не старалась, крылышки её изнашивались.

Была ли счастлива бабочка? Наверное, была, как говорил её муж, у них было всего в достатке и им завидовали. Друзья мужа восхищались ею и говорили, какие они красивые, что они восхитительная пара. Подружки бабочки тоже завидовали, нашептывали ей: Ах, какого мужа отхватила!

Порой и бабочка думала, что повезло ей, что если бы ни та непогода, то неизвестно, как бы сложилась её жизнь.

Но порой ей становилось очень грустно и тоскливо. Она выбиралась из своего жилища, садилась на ближайшую ветку и с тоской смотрела на луг.

Ей думалось о счастье, о любви. Какая она любовь? И какое оно, счастье? Неужели думала она, что я так и проживу до конца своих дней, так и не узнав, как летать без крылышек.

Однажды, в такой грустный вечер, она уже собралась лететь домой, как рядом с ней пролетел махаон. Кая проводила его взглядом, её крылышки неожиданно вздрогнули, словно они сами хотели полететь вслед за ним.

Махаон сделал небольшой круг над лугом, вернулся назад и сел рядом. Он внимательно смотрел на бабочку, будто впервые увидел её и она, не отрывая глаз, смотрела на махаона.

– Ты медведица Кая, – сказал махаон. – Но ты такая красивая и необычная. Почему ты розовая?

– Не знаю, – прошептала Кая. – Я такой родилась.

Бабочка чувствовала, как ей стало отчего-то жарко и, словно какая-то невидимая волна подхватила её и подняла вверх.

– Я люблю тебя, розовица Кая, – вымолвил махаон, – Я люблю тебя давно и не решался подлететь к тебе.

– Да? А почему решился сейчас? – спросила Кая и почувствовала, как у неё закружилась голова.

– Я подлетел к тебе, чтобы сказать: Я люблю тебя, Кая. Я хочу быть с тобой рядом. Каждое утро, просыпаясь, я думаю, о тебе и куда бы я не летел, думаю о тебе. Я не могу жить без тебя, Кая.

– Да? – спросила Кая. – Это правда?

– Да, моя любимая, розовица Кая, это правда.

– А что мне делать? У меня ведь муж-ж, ж-жук короед. Зачем твоя любовь?

Она неожиданно для себя вспорхнула с ветки и полетела к лугу. Она летела и не понимала куда летит, зачем летит. Рядом с ней летел махаон. Он радостно махал крылышками и нашептывал бабочке такие сладкие слова, от которых она не понимала, летит ли она или сидит на веточки. Они летали долго, пока солнце не спряталось за горизонт.

И здесь бабочка сказала:

- Мне пора домой.
- Как домой, Кая? Ты не останешься со мной? Я люблю тебя, моя любимая!
- И я люблю тебя, но мне пора домой. Меня, наверное, уж-ж-же заж-ж-ждали муж-ж-ж.
- А как же я, Кая? Как моя любовь?
- Ты прилетай завтра и мы снова с тобой полетаем над лугом.
- Хорошо, моя любимая Кая, я завтра прилечу к тебе.

Бабочка вспорхнула и полетела домой. Подлетая к дереву, она вдруг поняла, что всё это время летала без крылышек. Она улыбнулась себе, ей сделалось так радостно и весело, что она от счастья пролетела несколько кругов вокруг дерева. Не обманули подружки, только, когда любишь можно летать без крылышек.

Дома она долго вспоминала махаона, его слова о том, что она лучше всех, что у неё такие нежные и бархатные крылышке и, что такой, как она больше нигде нет.

Какой смешной махаон, думалось ей. Смешной, но такой милый. Как же я его раньше не видела. Так вот, что такое счастье, это когда ты любишь, и когда любят тебя.

Где он сейчас? Что делает? Наверное, думает обо мне, как и я о нём.

С этими мыслями бабочка заснула. С тайной надеждой, что завтра всё повторится.

Детская сказка о любви

Для И. А. В.

У самого синего моря, где об огромный камень плещутся тёплые волны, жил одинокий кузнечик.

Чуть в стороне от камня, где начинался луг, стоял его маленький домик под соломенной крышей.

Кузнечик был очень трудолюбив и опрятен. Часто, после трудового дня, он приходил к камню, взлетал на него и долго, долго стоял, вглядываясь в синеву бесконечной дали. Ему нетерпелось заглянуть, что же там, в том дальнем мареве, куда прячется на ночь солнце?

В мечтах виделся ему бескрайний луг, как это бескрайнее море. Цветистые поляны, усеянные разнотравьем с необычно яркими цветами. Там посредине большой поляны в доме, наверное, и живёт солнце.

Когда же последний солнечный лучик угасал, он возвращался домой.

Однажды погожим утром он гулял по лугу, наслаждаясь ароматом цветов и трав. И вдруг на один из цветков села стрекоза. Кузнечик никогда раньше так близко стрекоз не видел. Они летали высоко и быстро. Ему нравилось их бесстрашие, изящная грациозность.

Кузнечик замер едва дыша, стал в восхищении разглядывать неожиданную гостью.

Стрекоза тихо сидела, усердно шевеля лапками, она их очищала от налипшей цветочной пыльцы. Её большие глаза были так прекрасны, что кузнечик не утерпел и робко спросил:

– Здравствуй, как тебя зовут, – стрекоза отвлеклась от своей работы и внимательно посмотрела на кузнечика.

– Меня зовут Резеда, а тебя как?

– А меня зовут Кузя.

– Как, как, – хихикнула стрекоза, – Кузя? Необычное имя я никогда раньше такое имя не встречала.

– А у тебя прекрасное имя: Р-е-з-е-да! У тебя такие красивые глаза и крылышки.

– Правда? – стрекоза удивленно посмотрела на кузнечика. – А мне почему-то говорят, что я пучеглазая.

– Нет, нет, что ты! Резеда, ты прекрасна. Ты такая красивая, я бы хотел всё время смотреть на тебя и видеть своё отражение в твоих глазах.

– Какой ты забавный, Кузя, – Резеда хихикнула. – Давай полетаем, я тебе покажу луг. – И она взлетела, описала над кузнечиком круг:

– Ну что же ты стоишь? Кузя, лети за мной!

Кузнечик напрягся, и, что было силы, оттолкнулся от земли, взлетел. Какое-то время они летели рядом. Резеда что-то говорила, рассказывала, но Кузя её плохо слышал. Он усердно махал своими крылышками, стараясь лететь, как можно ближе к ней. Но здесь силы его иссякли, он опустился на ближайший цветочек.

– Что же ты, Кузя, полетели дальше. Вот там полянка и на ней много, много росинок. Полетели, мы посмотрим, как в них играют лучики солнца.

Кузнечик оттолкнулся от листика и полетел вслед за стрекозой.

Ему было стыдно, обидно за себя, он не мог признаться Резеде, что он не может летать так высоко и долго, как она. К его удовольствию Резеда опустилась на полянку. Кузя, раскинув свои крылышки, с размаха приземлился рядом.

Здесь, в самой середине полянки, зрели красные ягодки земляники и на них, на самых их шляпках, красовались капельки росинок. Они были чисты, прохладны, душисты.

– Кузя, Кузя, смотри, как в них играет солнышко, – Резеда едва коснулась лапкой росинки и она задрожала, переливаясь всеми цветами радуги. – Смотри, как красиво! А если ты попробуешь на вкус росинку, то ощутишь неповторимое благоухание цветов.

Они трогали капельки росинок, удивлялись видимой красотой и пили прохладную влагу. День пролетел незаметно.

– Кузя, – мне надо спешить домой, а то меня родные, наверное, заждались, – Резеда тяжело вздохнула. – Обещай мне, что завтра мы встретимся.

– Конечно, Резеда, на том же месте, – и когда она улетела, прошептал ей вослед. – Любимая.

Первый раз за всё время Кузя не пошёл на свой камень, что бы проводить на отдых солнце. Он бродил вокруг дома, тяжело вздыхал, а то неожиданно начинал радостно стрекотать.

Дома ему было грустно и не спалось. Он торопил время, подгонял его, ему хотелось, что бы поскорее наступило утро, ему не терпелось вновь, увидеть свою Резеду.

Едва в его окошке забрезжил рассвет, кузнечик уже был на ногах. Ещё несколько мгновений и он уже прохаживался у того цветочка, где повстречал Резеду.

Его мысли были о ней и о себе. Он думал: как она хороша, стройна, какие у неё большие глаза, какое гибкое, стройное тела, а какие у неё большие крылышки! А кто он?

Зелёный с длинными усами, длинными ногами и ненужной шпагой. Он даже летать, как следует, не умеет. Нет, его Резеда сегодня не прилетит к нему. Он не достоин её.

Когда же ему, от своих мыслей, стало так грустно, тоскливо, что захотелось застрекотать, он услышал над головой шуршание крылышек. Кузнечик поднял голову: О чудо! Вот она! Она опускается к нему! Его Резеда!

– Кузя, здравствуй! – Она опустилась возле него. – Я так скучала по тебе. Я так ждала утро. Ты знаешь, я совсем не спала.

– И я, Резеда, так ждал этой минуты встречи с тобой. Я тоже скучал. Полетели на нашу поляну.

Они взлетели вместе.

Этот день пролетел незаметно и другой день и третий.

Однажды летая над лугом, они присели отдохнуть на веточку кипрея.

– Резеда, а ты знаешь, куда уходит спать солнышко?

– Нет, не знаю, – она посмотрела вопросительно. – Этого, наверное, никто не знает.

– Я знаю. Полетели на мой камень. Я покажу тебе, куда уходит спать солнышко.

Камень их встретил теплотой. Нагретый за день солнцем он освежался брызгами волн.

Кузя и Резеда подошли к самому краю камня. Море, словно готовясь ко сну, было спокойно. Небольшие волны накатывались на песчаный берег и, умывшись песком, возвращались в свою таинственную, бездонную пучину.

Солнце уже наполовину скрылось в дальней синеве.

– Кузя, а что солнышко ночует в море? – Резеда задвигала своими большими глазами. – Солнышко разве рыба?

– Наверное, нет, солнышко не может быть рыбой, оно ведь нас греет.

Может быть там далеко, далеко, где кончается море, есть такой же луг, как у нас и солнышко ночует на нём в своём домике, – Кузя тяжело вздохнул. – Но нам никогда не увидеть того места.

– Но почему, – встрепенулась Резеда. – Полетели, Кузя, полетели за солнышком, вон же оно, совсем рядом.

– Я не смогу долететь до солнышка, Резеда, я не умею так хорошо летать как ты, – Кузя в сожалении склонил голову. – Мне никогда не увидеть, где ночует солнышко.

– Да что, ты, говоришь, Кузя, полетели, я помогу тебе, – Резеда взлетела над камнем и призывно кружила над Кузей, зовя его за собой.

Что делать, если зовёт любимая? Не оставаться же на камне одному и Кузя взлетел следом за Резедой. Он из всех сил старался не отстать от неё, но, через некоторое время, силы покинули его и он упал в море.

– Кузя, где ты? – Резеда оглянулась и не увидела своего любимого.– Кузя, где ты!?! – Она стала кружить над тем местом, где упал кузнечик.

А он изо всех сил барахтался, старался оттолкнуться от воды и взлететь, но море не отпустило его.

Огромная, чёрная рыба прицелилась, чтобы проглотить нечаянную добычу, и уже совсем было схватила, но кузнечик оттолкнулся от её холодного носа своими длинными ногами и взлетел навстречу Резеде.

Резеда вцепилась в него, цепкими лапками, полетела к камню. Кузя для неё был тяжёлой ношей. Мокрый, совсем обессиленный он только шептал:

– Я люблю тебя, любимая.

От этих слов у Резеды, словно прибавилось силы. Она донесла Кузю до камня. Они упали на него обессиленные, но счастливые.

С того дня Кузя и Резеда стали жить вместе. Маленький, уютный домик кузнечика преобразился, он стал гораздо больше, красивее.

По вечерам они приходили на свой камень провожать солнышко. Мечтая, что когда-нибудь, долетят они вместе до луга, там за морем, и увидят, где ночует солнышко.

Кузнечик и стрекоза жили долго, счастливо, не замечая дней.

Но с той поры, если вы обратите внимание, то над самой гладью воды, будь то озеро или река или море, часто кружат стрекозы.

Каждая из них ищет «своего» кузнечика, что бы спасти его, вытащить из воды и отнести на какой-нибудь камень, камень своего счастья.

Воробей и трясогузка

На краю города там, где ещё остались одноэтажные домики, жил воробей, а звали его Чика.

Был он мудр и трудолюбив. В трудах, да в каждодневных заботах, проводил своё время, часто не задумываясь о том, что он и зачем делает. Так, в своё время, научил его, его отец и он жил, не нарушая устоявшихся традиций воробьиного бытия.

По утрам, чуть только первый лучик касался верхушек деревьев, он вылетал к нему навстречу чирикавая:

– Здравствуй, солнечный лучик! Я приветствую тебя! Спасибо, что ты принёс мне ещё один день! – Садился на ветку, встречал солнышко и, ощутив на себе солнечную теплоту, летел на лужайку, где купался в утренней росе.

Так происходило изо дня в день, но однажды все переменялось. Однажды распорядок дня и жизни воробья нарушился.

Прилетев на лужайку, он вдруг увидел на ней необычную гостью с узким, длинным, чёрным клювиком, чёрной грудкой и чёрной шапочкой на голове. Она бегала между ягодных листиков и окунала свой носик в капельки росы. Поднимала головку и бисеринки, распавшейся капельки, стекались по её пёрышкам. Птичка, выискивая большие росинки, повторяла раз за разом необычные движения, тем самым омывая себя.

Воробей нахохлился, он так никогда не делал. Прилетев на лужайку, он садился, забирался в самую гущу травы и принимался там трепыхаться, тем самым смывая с себя ночную дрёму и частицы пыли, которые могли попасть между пёрышек.

«Странно, – подумал Чика, – и зачем она это делает и, кто она? Как посмела, без моего разрешения, устраивать на моей лужайке свой утренний моцион? Вот я ей сейчас задам!» И с громким чириканьем слетел прямо перед носом птички:

– Ты кто? – прочирикал он громко. – Как ты посмела...?

Но здесь с ним, что-то произошло. Последний его «чирик», замер в клювике и так и не слетел звуком, а, словно передумав, растворился.

Птичка удивленно вскинула свою красивую, черную-белую головку и внимательно посмотрела на воробья. Осмотревшись по сторонам, спросила:

– Ты откуда свалился и кто ты?

Чика удивленно смотрел на неё и не мог ничего чирикнуть в ответ и, только сделав над собой усилие, пискнул:

– С веточки я, с веточки... свалился, слетел...

– Так свалился или слетел? – Птичка замерла в ожидании ответа. – Кто ты, как тебя зовут? Ты такой необычный. Пушистый.

– Я, я воробей Чика. А пушистый от того, что сердитый. Мы всегда пушистимся, когда сердимся, чтобы напугать противника.

– А я противник? – В удивлении вскинула головку птичка. – Или здесь на лужайке, кто-то ещё есть кроме нас?

– Нет, что, ты! Нет, то есть, вы! Мы здесь одни... мы с вами здесь одни, конечно, если не считать кузнечиков, да божьих коровок... вот... – Чика замер. Он почувствовал, как учащенно забилося его сердце.

«Что это со мной? Почему слабеют мои лапки и опускаются крылышки? Почему так кружится моя головка?» Ещё минутка и Чика уселся бы перед птичкой в траву. Но она очередной раз подхватила капельку росы, бросила её на себя и одна из бисеринок водички попала на воробьиный клювик. Чика от неожиданности проглотил её и ему полегчало.

– Как вас зовут, прекрасная незнакомка? – чирикнул он, удивившись своей смелости. – Вы так изящно красивы.– И еще больше удивился своей наглости. Всё его тело оцепенело от того, что он прочирикал. Он вдруг почувствовал, что от его нахохленности, не осталось и следа, что он стал гладким и маленьким, меньше чем птичка и даже ниже её.

Птичка повернулась в его сторону и замерла от неожиданности:

– Ой! Какой ты интересный, Чика! Ты стал таким гладким и вовсе не страшным. Даже необычно милым. Я так не умею, и у нас никто так не умеет. Ты не такой, как все, Чика. Я трясогузка, а зовут меня, Гузка.

– Как, как? Я не расслышал? – Чика наклонил головку прислушиваясь. – Как, как вас зовут?

– Гузка, меня так все зовут, а мама зовет меня Гузяня. Зови меня так.

– Гу-узя-я-ня, – прочирикал Чика. – Какое, красивое имя.

– Гузяня, ты здесь на лужайке впервые? Полетели, я тебе покажу, где много разноцветных цветов. А на самом краю растёт страшное растение. Оно такое высокое у него огромные листья, а на самом верху большие, белые цветы. Полетели!

– Чика, я не могу с тобой лететь, – трясогузка смотрела на него чёрными бусинками грустных глаз.

– Ну почему, Гузяня? Я покажу тебе много красивых мест. Я покажу тебе озеро, в нём живут огромные, зелёные лягушки. Они надуваются и так забавно чирикают. А какие там красивые белые, желтые цветы! Они растут прямо из воды! Полетели, Гузяня!

– Чика, мне, конечно, очень хочется полетать с тобой, но я занята. Меня ждёт мама. Она просила, чтобы я не задерживалась. Я прилечу к тебе завтра и мы с тобой полетаем.– Трясогузка вспорхнула и улетела так быстро, что Чика даже не успел опомниться.

Он взлетел на веточку, сел, огляделся вокруг. На лужайке никого не было, только стрекотали кузнечики, да жужжали пчёлы, да учащенно билось его сердечко.

«Куда улетела Гузяня? Где мне её искать? И прилетит ли она завтра сюда?»

Так в мечтаниях он сидел бы ещё долго, но подлетели его друзья и позвали купаться в дорожной пыли, а это занятие Чика очень любил.

Вдоволь накупавшись в теплой пыли, они полетели на озеро и там пополоскали свои перышки, отряхнулись и разлетелись в разные стороны.

Чика зачем-то вновь вернулся на лужайку. Ему было грустно, отчего-то тревожно, он думал о Гузяне.

Так на веточке он просидел до самого заката, когда солнышко совсем спряталась за горизонт, Чика полетел домой. Пролетая над знакомыми местами, он оглядывался, в тайне надеясь, что неожиданно встретит Гузяню.

Дома, забившись в своё гнёздышко, долго не мог заснуть. Ему вспоминалась необычно красивая, быстрая птичка с таким ласковым именем, Гузяня. А когда дрёма, наконец-то, сковала его веки, а его головка склонилась на грудь, ему приснился чудесный сон.

Как будто они с Гузяней летели высоко, высоко над землёй, он чирикал ей о солнышке, о первом утреннем лучике, что они с ним друзья. Показывал любимые места, рассказывал занимательные истории. А когда они опустились к озеру, то лягушки, специально для них, хором проквакали свои песни. В знак своей благодарности Гузяня даже обняла Чика своим крылышком. В таком сладостном сне Чики было так хорошо, что он проспал утренний рассвет.

Вылетев из своего гнёздышка, Чика стремглав полетел к лужайке. Так быстро Чика никогда не летал, он даже запыхался.

Пролетев над лужайкой, он распугал работающих пчёл, они в неудовольствии зажужжали ему в след, что-то назидательное, но Чика их не услышал.

Он сел на любимую веточку, огляделся.

Небо голубело в вышине, солнышко светило тепло и ласково. Над поляной жужжали шмели, пчёлы собирали нектар цветов, стрекотали кузнечики.

Трава зеленела, поблёскивая утренней росой. Ромашки повернули к солнышку золотые, круглые личики, обрамлённые белыми лепестками, а колокольчики раскрылись, словно, открыв свои синие объятия, навстречу солнечным лучам.

Лужайка жила летней жизнью, только Гузяни на лужайке не было.

С расстройства Чика слетел на полянку, залез в самую гущу травы. Его перышки быстро пропитались росой, он трепыхался всем телом, ловля прохладную влагу и тут же сбрасывая её с себя. Когда он выбрался из гущи травы на свет, то был весь взлохмачен и мокрый. В неудовольствии Чика хотел взлететь на свою любимую веточку, но обомлел от неожиданности. Перед ним сидела Гузяня и в недоумении рассматривала его:

– Чика, это ты? Может быть я ошиблась? Тогда простите? – она в любопытстве склонила головку, ожидая ответа.

– Гузяня, – только и смог чирикнуть Чика.

– Чика, я освободилась. Мама мне разрешила немного полетать, и я прилетела к тебе. Но что с тобой? Ты совсем на себя не похож.

– Гузяня, я сейчас, сейчас, – Чика, что есть силы, взмахнул крылышками и улетел, спрятавшись за дерево. Задыхаясь от волнения, он трепыхался до тех пор, пока последняя бисеринка росинки не слетела с него.

– Странно, – сказала Гузяня. – Сам просил, чтобы я прилетела, а сам улетел. А может быть, это был вовсе и не Чика? – Она посмотрела в ту сторону, где скрылся воробей.

Но, словно, тенью, кем-то брошенного камешка, Чика упал в траву перед Гузяней.

– Гузяня, я думал, ты, не прилетишь! – он задохнулся от волнения. – Я тебя так ждал!

– Так ждал, что напугал меня своим взлохмаченным видом. Что ты там делал? Я подумала, что это скворец выскочил из травы, – она окинула его своим оценивающим взглядом. – Чика, ты так элегантен и симпатичен. В тебе присутствует, этакий шарм.

Чика зарделся от сказанных слов. Правда он не понимал, что такое шарм, но если говорит Гузяня, то, наверное, это хорошо. Ему и самому показалось, что он стал таким же большим, как скворец. Он почувствовал, что его крылышки выпрямились, а грудка так выпятилась, что Гузяня спросила:

– Что с тобой, Чика? Ты опять сердисься? – она вспорхнула на его любимую веточку. – Ты обещал мне показать поющих лягушек и цветы, которые растут прямо из воды. Показывай.

Чика взлетел, как ему показалось, к самому солнцу. Он размахивал крылышками и чирикал, чирикал так громко, что Гузяня спросила:

– Чика, что с тобой, что так заливаешься?

– Я не знаю, Гузяня, но мне радостно! Я пою!

– Чика, но ты ведь не соловей, ты всего лишь воробей и ты не поёшь, ты чирикаешь.

– Да? – Чика в удивлении замер на месте. – А мне хочется петь.

И он чирикал без остановки до самого озера.

Сердечко его бешено колотилось, ему хотелось показать Гузяне все красивые места озера и эти необычные цветы белые и желтые. Он, то обгонял Гузяню, то отставал от неё, а то взмывал над ней, готовый переворачиваться через голову. Чика не понимал, что с ним происходит, он удивлялся своей прыти, так лихо он никогда не летал. Он даже не заметил, как они оказались над озером.

– Вот оно, Гузяня, это озеро. А это цветы! Смотри, смотри, цветы растут прямо из воды.

Они опустились на большой лист рядом с цветами.

– Чика, так это лилии. Вот эти большие и белые, это лилии, а вот эти желтые, это кувшинки. – Гузяня пробегала по большим, зелёным листьям, лежащим на воде, и рассказывала Чике о цветах. А ему стало грустно.

– Чика, а где чирикающие, зелёные лягушки? Я хочу их видеть и послушать.

– Так вон же они, – Чика подлетел к лягушкам. – Эй вы, зеленёнькие, а ну прочирикайте нам свою любимую песню. Мы хотим вас послушать.

Лягушки от неожиданности попрыгали в воду, только брызги разлетелись, да большие круги разошлись по водной глади. Но одна из лягушек высунулась из воды и проквакала:

– Ку-уак! Ку-уак! Что тебе надо, Чика? Ты нас напугал.

– Прочирикайте нам песню! Гузяня никогда не слышала, как вы чирикаете.

Но здесь сверкнула молния, ударил гром, а за ним крупные, холодные капли дождя застучали по голове Чики, да так, что он испугался за Гузяню.

– Гузяня, – вскричал от волнения Чика, – летим вон к тому большому цветку, спрячемся от дождя.

– Летим! Летим! – пискнула Гузяня, а сама взмыла вверх навстречу каплям дождя. Она летала в дождевых струях так быстро и стремительно, что Чика залюбовался ею. Про себя подумал: «Какая Гузяня смелая. Она не боится холодного дождя, а как она быстро летает. Нет. Я так не сумею». И ему вновь стало грустно.

– Чика! Чика! – попискивала Гузяня. – Иди ко мне! Здесь так свежо и вовсе не холодно.

Но Чике было грустно. С одной стороны он радовался, что Гузяня прилетела к нему, и он показал ей озеро, лягушек, а с другой стороны отчего-то его маленькое сердечко сжималось тоской.

Он сел на веточку дерева, спрятался от холодных капель и стал ждать Гузяню. А она летала восторженно то, поднимаясь ввысь, а то, падая к самой земле. Запыхавшись, она опустилась на веточку рядом с Чикой.

– Чика! Чика! Ты зачем спрятался от меня? Ты думал я тебя не найду? – попискивала Гузяня.

– Нет, что ты! Я спрятался от дождя.

– Чика! Хочешь я расскажу тебе про океан?

– А что такое океан, Гузяня?

– О-о! Чика, это тоже что и озеро, но только большое, большое, огромное. На нём волны выше самых больших домов и у него нет края.

– Как это нет края? Как это выше самых больших домов? – Чика недоверчиво посмотрел на Гузяню. – Так не бывает.

– Бывает, Чика, бывает! А знаешь, есть такое животное у него два хвостика один большой спереди, а другой маленький сзади? У него есть небольшие крылышки на голове, но оно не летает.

– Как это? – в недоумении раскрыл свои глазки. – Как это два хвостика и крылышки на голове?

– А так! Один большой, а другой маленький! Это животное иногда машет своими крылышками, но взлететь не может. Это животное люди зовут слоном. Я даже несколько раз садилась слону на спину, и он забавно хлопал своими крылышками. – Гузяне так понравилось, что Чика в смущении слушает её, что она запищала ещё громче:

– А знаешь, Чика, есть такое животное у него длинная, предлинная шея. Оно своей головой достаёт веточки с верхушек деревьев?

– А знаешь? – Но здесь Чика перебил Гузяню.

– Где? Где такие животные?

– Эти животные живут там, – Гузяня показала в сторону, где из-за облаков едва выглядывало солнышко. – Там далеко, далеко за океаном есть земля и там всегда тепло. Но, что бы туда попасть надо долго, долго лететь.

– И ты там была, Гузяня?

– Да, Чика, я родилась здесь, но когда у нас наступают холода и на землю ложится снег, мы улетаем за океан. Там есть земля, на которой всегда тепло и много, много разных животных и деревьев. Там никогда не бывает снега. Когда же здесь тёплые дни возвращаются, возвращаемся и мы.

Дождь давно закончился, а они сидели и сидели. Гузяня так много рассказала Чике о далёкой, тёплой земле, что он, нахохлившись, молчал, сидел и слушал. Ему почему-то было грустно.

Гузяня рассказывала, а он думал, что никогда, никогда ему не увидеть той далёкой, тёплой земли, никогда.

– Чика, – неожиданно встрепелась Гузяня. – Мне пора.

– Гузяня, а ты когда улетишь туда, за океан? В ту тёплую землю? – Он прочирикал это так грустно, что Гузяня на мгновение замерла.

– Мы скоро начнём собираться. Чика, а ты, если хочешь, полетим вместе. Ты мне нравишься, Чика. Ты такой забавный и смелый и... рассудительный и так красиво чирикаешь. Чика, ты сильный и, и... могучий.

– Да? – чирикнул Чика. – Я ещё с этим... с шарфом.

– Что, ты, Чика, не с шарфом, а с шармом. В тебе есть что-то притягательное с тобой очень интересно. Ты не такой, как все воробьи. – Она вспорхнула над веточкой:

– Ты мне нравишься, Чика!

– Гузяня, ты мне тоже нравишься. Даже очень. Очень! Когда я увидел тебя первый раз, на меня, словно сосулька упала. Ты мне нравишься даже больше, даже больше чем, чем, когда я купаюсь в придорожной пыли. Ты такая красивая и смелая. Ты такая умная... ты летаешь даже... даже в холодный дождь, ты, ты ...летаешь над этим, где волны выше самых больших домов...

– Сосулька? – Гузяня недоверчиво посмотрела на Чику.

– Да, Гузяня, я никогда раньше не видел такую, красивую, очаровательную птичку, как ты. Мне хочется с тобой летать. Мне хочется тебя слушать. Мне хочется быть с тобой.

Не зная зачем, Чика, вспорхнул и так стремительно улетел, что Гузяня в недоумении посидела ещё некоторое время на веточке оглядываясь.

– Чика! Чика! Ты где? – пропищала она несколько раз. – Чика, а что такое сосулька?

Но Чика не ответил и Гузяня улетела домой..

Чика сидел в своём гнездышке, его отчего-то знобило. Он корил себя за то, что улетел, не попрощавшись с Гузяней.

«Она сказала, что я ей нравлюсь. Она сказала, что я не такой, как все воробьи, что я смелый, что я рассудительный, что я сильный и могучий ...Милая моя Гузяня».

В его маленькой головке проносились картинки рассказанные Гузяней. Вот огромные чёрные волны океана вздымаются к самому небу и небо само серо в расщелинах молний. А посередине этого ужаса летит его Гузяня.

Чика вздрагивал от увиденного, ему чудилось, что ещё мгновение и огромная волна поглотит Гузяню, и он уже никогда больше с ней не встретится. Так, в своих надуманных страхах, он заснул, то вздрагивая, то попискивая.

Утром, не дожидаясь первого солнечного лучика, Чика полетел на свою полянку. Вдоволь накупался в холодной росе он сел на веточку и стал ждать Гузяню. Но её не было.

Вот уже солнышко скользило по верхушкам деревьев, и друзья несколько раз звали Чику купаться в пыли, но Гузяни не было. Чика совсем загрустил. Ему было так плохо, что даже не хотелось кушать.

Его крылышки опустились ниже его ног. Он прыгал по земле то и дело, цепляясь кончиками крылышек за что нибудь, но у него не было сил, а может быть желания, прибрать их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.